

УДК 33(09): 314(09): 94(470.57)

JEL classification: R23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-14>

Поздние миграции русского населения в екатеринбургско-челябинском «пограничье» (начало XX в.)¹

М. И. Роднов

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Автор для корреспонденции: М. И. Роднов (rodnov@ufacom.ru).

Аннотация. *Обработка подворных карточек переписи 1920 г. по Аргаяшскому кантону Малой Башкирии — бывшей территории Екатеринбургского и Челябинского уездов, сравнение их данных с данными известных до них источников, показали достаточно массовую миграцию русского населения в башкирские волости в начале XX в. Возникли десятки хуторов, заимок и иных поселений. Русские переселялись сюда из соседних уездов и губерний, а также из Среднего Поволжья. Миграция носила социально-экономический характер, почти половину русских хозяйств даже в условиях установившегося большевистского режима составляли зажиточные и фермерские дворы, среди которых выделялись очень богатые предприниматели. Сравнение карт начала XX в. с современными показывает, что все эти поселения исчезли.*

Ключевые слова: историческая демография; экономика; сельское хозяйство; русские; фермеры; Южный Урал

Late Migrations of the Russian Population in the Ekaterinburg-Chelyabinsk Border Region (Early 20th Century)

M. I. Rodnov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS (Ufa, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Corresponding author: M. I. Rodnov (rodnov@ufacom.ru)

Abstract. *Analysis of household cards of the 1920 census for the Argayash canton of Little Bashkiria (the former territories of Ekaterinburg and Chelyabinsk governorates) and comparison with previous literature showed a fairly massive migration of the Russian population to Bashkir volosts at the beginning of the 20th century. Dozens of farmsteads, small and other settlements have appeared. Russians moved to this area from neighbouring districts and provinces, as well as from the Middle Volga region. The migration can be considered socio-economic; almost half of Russian farms, even under the Bolshevik regime, were wealthy households and farmsteads, among which were very wealthy entrepreneurs. Comparison of early 20th century maps with modern maps shows that all these settlements have disappeared.*

Keywords: historical demography; economy; agriculture; Russians; farmers; Southern Urals

Введение

В обширной литературе по демографии и расселению русского населения Урала, от теоретических работ (Нефедов, 2005; Нефедов, 2009) до анализа сельских поселений (Мазур, 2006; Мазур, 2012), монографий по конкретным сюжетам (Голикова, 2001; Голикова, 2012) и сборников конференций (Козлова, 2022; Козлова, 2023) особую роль играют новые источники, появление которых открывает новые сюжеты, корректирует, а часто принципиально меняет устоявшуюся в историографии картину. Одним

¹ © Роднов М. И. Текст. 2024

из таких ранее неизвестных и практически неиспользуемых источников стали первичные материалы сельскохозяйственной переписи 1920 г.

В уфимском архиве сохранилась практически полная коллекция подворных карточек переписи 1920 г. по так называемой Малой Башкирии — административному образованию, существовавшему в 1919–1922 гг. В том числе имеются подворки по зауральским кантонам (на них вместо уездов делилась Малая Башкирия) — Аргаяшскому и Еланскому, территория которых ныне входит в состав Челябинской и Курганской областей.

Подобное местонахождение архивных материалов привело к тому, что историками этих двух регионов данный источник не изучался, если вообще был известен. Анализ записей в листах использования показывает, что карточки по Зауралью смотрели исключительно краеведы и генеалоги, да и то, скорее всего, переехавшие на жительство в Уфу. Опубликованные в 1926 г. итоги переписи 1920 г. по населенным пунктам¹ содержат значительное число ошибок (уменьшение численности населения и др.) по сравнению с подсчетами непосредственно по источнику (подворным карточкам).

Материалы и методы

К XVIII в. к издавна проживавшему на исследуемой территории тюркоязычному (башкирскому) населению добавилась мощная миграция татар-мишарей (в русской терминологии — мещеряков), что привело к складыванию чисто мусульманских тюркских анклавов. Географически они располагались на границе Пермской и Оренбургской губерний, в самых южных волостях Екатеринбургского и северных волостях Челябинского уездов этих двух губерний соответственно. В статье не рассматривается Шадринский уезд Пермской губернии, район старого расселения русского крестьянства.

Тюркские анклавы среди сплошного массива русского населения постепенно втягивались в уральскую горнопромышленную индустрию. В карточках переписей встречаются профессии мусульман — горнорабочий, штейгер и пр. На аккультурацию зауральских тюрков большое влияние оказало их проживание вблизи стратегических транспортных коммуникаций, сначала гужевых трактов из Екатеринбургa в Челябинск и на восток, в Сибирь, затем рядом прошли важнейшие железнодорожные линии.

Несмотря на близость двух крупных городов и многочисленных заводов, мусульманские анклавы оставались достаточно изолированными. На это влияла слабо изученная в уральской историографии ситуация с поземельной собственностью. Башкиры юридически являлись частными (коллективными, общинными) собственниками своих земель — вотчинниками, к примеру, на них не распространялась Столыпинская реформа (но были и припущенники-башкиры, бывшие арендаторы). Статус земель мещеряков почти не известен (в 1908 г. их отмечали как собственников), к началу XX в. у них складывается относительное малоземелье. В мещерякские волости наблюдался наименьший приток русских переселенцев, своим угодий не хватало.

Результаты

Материалы сельскохозяйственной переписи 1920 г. показывают мощный наплыв русских, произошедший в 1910-е гг., вплоть до Гражданской войны, на многих карточках указано время основания хозяйства. Сравнение с более ранними источниками свидетельствует, что русских в тюркских волостях еще не было. Рассмотрим сначала ситуацию в Екатеринбургском уезде.

¹ Населенные пункты Башкортостана (2002). Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 400.

В 1908 г. в Пермской губернии были собраны сведения из волостных правлений, изданные затем в виде списка населенных мест¹. По национальности (народности в источнике) нерусское население проживало в Екатеринбургском уезде в Карабольской волости (мещеряки и башкиры), Кульмяковской (башкиры), Саринской (башкиры). Весь остальной уезд являл собой территорию сплошного русского массива. По переписи 1920 г. это Карабольская, Кульмяковская, Мякотинская (выделилась из Карабольской, башкиры образовали свою волость, отделились от мещеряков) и Саринская волости. Сейчас земли всех четырех (трех) волостей — это западная часть Кунашакского района Челябинской области, к востоку от городов Касли, Озерск и Кыштым. Это ровная равнинная местность, степь с разбросанными многочисленными озерами.

В 1908 г. здесь не зафиксировано ни одного русского поселения. В 1920 г. в более северных волостях вдоль речки Караболки — Карабольской и Кульмяковской — русских тоже почти не было. Зато южнее возле озер Куяш, Карагайкуль, Урукуль и других, где лежали земли Мякотинской и Саринской волостей, возникают достаточно многочисленные русские заимки. Если в Мякотинской волости в 1920 г. русских проживало немного — всего 74 из 2238 чел., то в Саринской волости русские составляли уже 23 % населения (1644 из 7078 чел.)². Форма поселения у всех — заимка, этот (преимущественно сибирский) термин означал земельный участок, занятый по праву первого владения («куда топор и соха ходили»), обычно вдали от других селений. Но здесь наверняка землю покупали или арендовали у башкир (в карточках переписи 1920 г. нет сведений о землевладении). К западу от Уральских гор, в Уфимской губернии такое наименование вообще не встречается.

Заимка в Саринской волости — это небольшое поселение от одного до 12 хозяйств, но были и крупные группы заимок в 58 и 103 двора. Всего в Саринской волости насчитывалось 240 русских хозяйств, единичные семьи русских обосновались также в самих башкирских деревнях. Заимки именовались почти всегда по фамилиям владельцев — заимка Бородулина, Дятлова, Игнатова, Карпеева и т. д.

Миграция русских в эти две волости носила ярко выраженный характер создания предпринимательских фермерских хозяйств, русские в разы были богаче башкир. У башкир Саринской волости зажиточных многопосевных дворов (от 10 до 15 дес. посева) и кулацких, фермерских хозяйств с посевом свыше 15 дес. вместе насчитывалось 36 (21 и 15), что составляло всего 3,1 % от общего количества. А у русских таких хозяйств имелось 36 и 58, или 94 из 240 (39,2 %). В двух высших посевных группах русские составляли абсолютное большинство. Даже с учетом последствий Гражданской войны, очевидно, что сюда переселялись богатые предприниматели-фермеры, либо изначально приезжавшие с капиталами, либо уже здесь постепенно расширяя аграрное производство (главное — посева яровой пшеницы) они создавали крупное товарное хозяйство.

В условиях наступившего советского режима перепись 1920 г. зафиксировала очень большие, без всякого сомнения, фермерско-кулацкие хозяйства русских на заимках — Андрея Игнатьевича Глухова (51 год, 45 дес. посева), Александра Дмитриевича Царапкина (57 лет, 40 дес.), Егора Митрофановича Плаксина (43 года, 45 дес.), Василия Григорьевича Царапкина (40 лет, 40 дес.), Семена Дмитриевича Царапкина (50 лет,

¹ См.: Список населенных мест Пермской губернии. Пермь: электро-типография губернского земства, 1908 (на обложке указан 1909 г.). Екатеринбургский уезд (отдельный выпуск). Раздельная пагинация.

² Здесь и далее подсчитано по: НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 758 (Мякотинская волость), 761–762 (Саринская волость). Листы в архивных делах не пронумерованы.

40 дес.), Константина Федоровича Глухова (39 лет, 41 дес.), Гаврилы Федоровича Глухова (45 лет, 47 дес.), Ивана Ефремовича Наумова (42 года, 40 дес.). Обращает на себя внимание солидный возраст заимщиков, хотя они проживали здесь не более 10 лет. Значит, приезжали взрослые люди с семьями.

Перед нами целенаправленная миграция фермеров-предпринимателей на свободные земли с целью создания крупного агропроизводства. Переселялись целые семейные кланы, что фиксируется и в Уфимской губернии (Роднов, 1997). В обстановке победившей осенью 1919 г. в Зауралье советской власти разбросанные в отдалении богатые русские заимки объединялись в сельские общества («займовщиков»), пресс продрозверстки еще не погубил фермеров, но дальнейшая судьба их была предсказуема. Подробные современные карты в Яндексe не фиксируют ни одной из этих заимок как населенных пунктов Кунашакского района Челябинской области.

Ситуация в Челябинском уезде Оренбургской губернии была схожая, но имела и своя специфика. Волости с преобладающим тюркским населением лежали к северу (Султаевская) и в основном к западу (Мавлютовская, Метелевская, Мухамед-Кулуевская, Черлинская) от Челябинска. Основная группа башкир проживала в долине реки Миасс и возле озера Увильды в нескольких десятках верст от Челябинска (ныне по прямой около 60 км). Все население — башкиры с небольшим числом татар.

В данной статье не учитываются башкирские (мусульманские) волости в южной части Челябинского уезда (Катайская, Сарт-Калмыкская, др.), которые не вошли в Аргаяшский кантон Малой Башкирии, а также население Аргаяша, станции Омской железной дороги, самовольно провозгласившего себя городом в постреволюционное лихолетье.

Наконец, после проведения Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. оренбургские земские статистики сумели издать список населенных мест. И в интересующих нас волостях зафиксированы русские заимки: в Мавлютовской волости — 4 (56 дворов, 485 чел. великороссов), Метелевской — 9, еще в четырех случаях нет сведений о преобладающей национальности, но явно русские — заимка Молевых и др. (199 дворов, 1141 чел.), Мухамед-Кулуевской — 5 (108 дворов, 922 чел.), Султаевской — 8 (38 дворов, 261 чел.) и Черлинской — одна заимка (3 двора, 19 чел.) и по двум нет данных¹.

По переписи же 1920 г. русские во всех пяти волостях занимали второе место после башкир: в Мавлютовской — 155 домохозяйств и 996 чел. (29,5 % от общего числа жителей), Метелевской — 200 дворов и 1394 чел. (21,3 %), Мухамед-Кулуевской — 285 дворов и 1953 чел. (15,8 %), Султаевской — 126 дворов и 765 чел. (14,3 %) и Черлинской — 18 семей и 108 жителей (5,4 %)². За исключением последней, везде удельный вес русского населения достиг немалых показателей — от 14 до почти 30 % населения. Сохранившаяся почти полная коллекция подворных карточек переписи 1920 г. дает более точные сведения, чем перепись 1917 г., хотя в годы Гражданской войны переселение русских продолжалось.

Миграция русских в башкирские волости Челябинского уезда в начале XX в. носила такой же предпринимательский характер. Количество русских зажиточных хозяйств

¹ Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, б. г.]. 41 с. С. 36–37, 39–40.

² Здесь и далее подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 751 (Мавлютовская волость), 752–755 (Мухамед-Кулуевская волость), 756–757 (Метелевская волость), 759–760 (Султаевская волость), 765 (Черлинская волость).

с посевом от 10 до 15 десятин составляло в 1920 г. по всем пяти волостям 160, а фермерско-кулацких, засевавших свыше 15 десятин, — 232 из 779 общего числа русских дворов, или 50,3 % вместе. Даже после победы красных, рядом с революционным пролетарским Челябинском свыше половины русских хозяев оставались весьма богатыми.

На подворных карточках немало указаний, что крестьяне приезжали из Екатеринбургского уезда и Самарской губернии. В притоке русских переселенцев в Челябинский уезд большую роль играли государственные структуры (Крестьянский поземельный банк и др.). Здесь также широко употреблялся термин «заимка», реже — «хутор», но встречались и необычные названия. В Мавлютовской волости были хутора заимки 2-го Шаимовского, Карабашевского и Логинского районов, в Мухамед-Кулуевской волости имелись поселения русских с наименованием «квартал» (Баланты, Протеженцы, Чубарь и др.), а в поселке Вишневка проживали 51 душа русских и 47 поляков. Такие специфические термины, видимо, точно узнать пока не удалось, связаны с земельными участками, которые нарезались государственными структурами (банком, лесничеством, пр.).

На сравнительно недавнюю миграцию русских указывает наличие в ряде селений Мухамед-Кулуевской волости большого количества пустых, где кроме имени домохозяина нет иной информации, подворных карточек, в квартале Богровка — 18, в квартале Пугачева — 8. В последнем у всех на обороте записано, как у Василия Степановича Ершова, «летчик не преписан русской организации. Семейное положение и жив. и мерт. инвентарь не показан потому что хозяин живет вне пределов кантона». Это «летчики», временно приезжавшие на лето крестьяне. Они вспахивали пашню (арендованную?), поручали кому-то следить за полями, часть населения реально уже проживала в квартале Пугачева, и отбывали домой. Осенью возвращались, жали, молотили, зерно и, возможно, солому увозили к себе в тот же Екатеринбургский уезд. Так называемая «пашня наездом». Более того, здесь был целый поселок Камышевка — весь «пустой» летом 1920 г., когда проводилась перепись.

Как и в Екатеринбургском уезде, фиксируются семейные кланы фермеров. На заимке Плаксиных лидерами являлись 43-летний Сидор Николаевич Плаксин (46,5 дес. посева) и Яким Васильевич Плаксин (46 лет, 43,5 дес.). На мощное формирование предпринимательского хозяйства большое влияние оказывала близость Челябинска, огромного потребительского и товарного рынка. А в годы революционного майдана и Гражданской войны хлеб сам стал деньгами.

И также поиск по современным картам Челябинской области всех этих заимок и кварталов не дал никаких результатов. Зажиточные русские хутора (заимки) не пережили советской эпохи и исчезли вместе с фермерами-кулаками.

Заключение

Материалы переписи 1920 г. показывают редкий в истории случай кратковременной миграции, весьма успешной вначале, показавшей яркий хозяйственный расцвет, но затем завершившийся полным крахом. Ни одно из существовавших русских поселений в перечисленных волостях не удалось найти на карте современной Челябинской области. Бежавшие или раскулаченные семьи русских фермеров-кулаков навсегда покинули эти края.

Миграционные процессы всегда имеют глубокие экономические и социально-политические причины, как в начале XX в., так и в начале XXI в., когда нужда на исторической родине и коррупция в российских регионах приводит к появлению

или исчезновению переселенческих потоков, возникновению этнических анклавов со всеми вытекающими последствиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Голикова, С. В. (2001). *Семья горнозаводского населения Урала XVIII — XIX веков: демографические процессы и традиции*. Екатеринбург: УрО РАН, 196.
- Голикова, С. В. (2012). *Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты*. Екатеринбург: УрО РАН, 176.
- Козлова, О. А. (Ред.) (2022). *Глобальные вызовы демографическому развитию. Т. I*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 449.
- Козлова, О. А. (Ред.) (2023). *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 534.
- Мазур, Л. Н. (2012). *Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX вв.)*. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 472.
- Мазур, Л. Н., Бродская, Л. И. (2006) *Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 564.
- Нефедов, С. А. (2005). *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 539.
- Нефедов, С. А. (2009). *Аграрные и демографические итоги русской революции*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 202.
- Роднов, М. И. (1997). *Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года*. Уфа: Нур-Полиграфиздат, 148.

References

- Golikova, S. V. (2001). *Semya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII — XIX vekov: demograficheskie protsessy i traditsii [Families of the Ural plants workers in the 18th — 19th centuries: demographic processes and traditions]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 196. (In Russ.)
- Golikova, S. V. (2012). *Detskaya smertnost v Permskoy gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): istochnikovedcheskiy i metodicheskii aspekty [Infant mortality in the Perm province (second half of the 19th — early 20th centuries): source study and methodological aspects]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 176. (In Russ.)
- Kozlova, O. A. (Ed.) (2022). *Globalnye vyzovy demograficheskomu razvitiyu. T. I [Global challenges to demographic development. Vol. I]*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 449. (In Russ.)
- Kozlova, O. A. (Ed.) (2023). *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges]*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 534. (In Russ.)
- Mazur, L. N. (2012). *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regionalnoe izmerenie (vtoraya polovina XIX — XX vv.) [Russian village in the conditions of urbanization: regional dimension (second half of the 19th — 20th centuries)]*. Ekaterinburg: Ural State University Publishing House, 472. (In Russ.)
- Mazur, L. N., & Brodskaya, L. I. (2006). *Evolutsiya selskikh poseleniy Srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza [Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the 20th century: experience of dynamic analysis]*. Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 564. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2005). *Demograficheski-strukturnyy analiz sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia]*. Ekaterinburg: UGGU Publishing House, 539. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2009). *Agrarnye i demograficheskie itogi russkoy revolyutsii [Agrarian and demographic results of the Russian revolution]*. Ekaterinburg: UGGU Publishing House, 202. (In Russ.)

Rodnov, M. I. (1997). *Krupno-krestyanskoe khozyaystvo Sterlitamaskogo uезда po perepisi 1917 goda [Large-scale peasant economy of Sterlitamak district according to the 1917 census]*. Ufa: Nur-Polygraphizdat, 148. (In Russ.)

Информация об авторе

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

About the author

Mikhail I. Rodnov — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: rodnov@ufacom.ru).